

Любовь Никонова

Волна блаженства и волна страданья

Цикл стихов по мотивам Ф.М.Достоевского

А сердце странно замирает,
когда, по милости Творца,
лучистый ангел убирает
слезинки с твоего лица...

2000

* * *

Вот мир. Вот жизнь обычного созданья:
Ты вечно на пределе, на краю...
Волна блаженства и волна страданья
По очереди входят в жизнь твою.

Но в редкий миг (быть может, в кои веки)
Откатится шумящая волна –
И Божья мысль о грешном человеке
Вдруг станет ослепительно видна...

Она – светла. В ней нет ожесточенья...
Но тут же вновь сомкнутся над тобой
Волна блаженства и волна мученья –
И все заполнят новою борьбой.

1999

* * *

Смолчать – нельзя.
Скандалить – стыдно.
А третий вариант – каков?

Душа, душа, тебя не видно
в тумане смутных облаков.

Оchnись, болезнай, и выйди
из этой социальной мглы.
И осознай, в каком ты виде,
как напряглись твои узлы.

Ты вся - вместилище ошибок,
болячек, горечи, страстей.
Где детский свет твоих улыбок
и "тайна верности твоей"?

Тобой закон Любви нарушен.
Сравни, восстав от суеты,
как Бог к тебе великодушен –
и как неблагодарна ты.

* * *

Не дорогою длинной мой дух утомлен,
Не движеньем по жизни бескрайней...
В богочестивой нежности русских икон
Есть разгадка таких состояний...

Озаряются мысли частицами слез.
Сердце ласке Владычицы радо.
Приготовил объятья Младенец Христос.
Помнить злое, плохое - не надо.

Даже если не ведаем верных путей
И не знаем, что горше, что слаще, -
Все равно Богоматерь, как малых детей,
Нас выводит из сумрачной чащи.

Наша вечная боль для Нее не нова.
И мерцают над нами во мраке
То ли слезы Ее, то ль святые слова,
То ль прощенья сакральные знаки...

2001

* * *

"Бедные люди"
Ф.М. Достоевский

Бедные люди... Предел оскудения.
Пепел и пыль до небес.
Царств непомерных крутое падение,
Целых народов регресс.

Смутным просторам не стать
благодатнее.
Всюду зола и смолье.
Что мне дороже всего и понятнее?
Только дыханье твое.

Это дыханье да голос возлюбленный,
Часто теряясь во мгле,
Держат меня на печальной, обугленной,
Милой до боли земле.

1999

* * *

Нельзя или можно? Вдали или рядом?
Душой прикоснуться к тебе или взглядом?
Искать ли свиданий? В скиту ль
затвориться?
Бороться с судьбою иль мудро смириться?

Молчало пространство. И в чудном молчанье
Таилось ответа немого звучанье.
И этого было и много, и мало.
И вечное небо меня обнимало.

2001

* * *

Как хорошую вешнюю веточку
С золотистым свеченьем в узоре,
Я пошло тебе вербную веточку,
Освященную в нашем соборе.

Там за службою сердце оттаяло,
Обливаясь теплом и слезами,
И великой трагической тайною
Переполнилось пред образами.

И с тобой моя веточка вербная
Пусть поделится тайной духовной,
Как любовь разгорается верная
И сливается с верой любовной...

2001

* * *

Кто-то о ком-то задумался вечером,
Кто-то, не сжегший мосты...

Это не ты ли, любовь моя вечная?
Как бы хотелось, чтоб ты!..

Плавно сгущаются сумерки синие.
Сквозь светотень узнаю
Знаки твои золотые и символы,
Чувствуя близость твою.

Ради тебя все бы в мире оставила.
Все бы в тебе обрела.
Что мне чужие запреты и правила,
Скудного века дела?

Я твоего бы сокрытого, личного
Нежно коснулась огня...
Что же ты шепчешь из сумерек сбивчиво –
Так далеко от меня?

2001

* * *

Хотя бы просто пощади
Иль смилился, как над младенцем, -
И посели меня в груди,
В своей груди, под самым сердцем.

Я буду знать, как дышишь ты,
Какие напеваешь песни,
Впитаю все твои мечты,
Твои заботы и болезни.

И растворится надо мной
Подобъем нежной фотопленки
Прикасновенье именной
Нательной маленькой иконки...

2001

* * *

Тепло. Ты, видимо, на даче,
А может быть, уже и дома...
В моем прозрачном полуплаче
Таится странная истома:

Я чувствую, как время тает,
Как от меня к тебе по кругу
Любовь единая летает
И нам велит идти друг к другу.

"Зачем? - шепчу в ответ невнятно.
Не мучь меня, не провоцируй.
Твоя мне сущность непонятна –
Мне проще жить в союзе с лирой.

Так не прельщай воображенье
Своей непостижимой целью...
Твоих блаженств изнеможенье
Перенести я не сумею..."

Но свет её струится нежно –
Все лучезарней, всё синее...
Я подчинюсь ей неизбежно.
А ты?
Я знаю: ты сильнее...

2001

* * *

Я хожу по осколкам и камешкам
слишком острой и трудной любви.
А дума, будто облако, краешком
задевает владенья твои.

Вечер. Тучи продвинулись к тучам.
Блещет небо, мигает, гремит.
Отчего ж неестественно скучен
твой, когда-то волшебный, магнит?

Что иль кто с одержимостью злую
порождает бунтарский напев?
Это я веселюсь под грозою,
от свободы почти опьянев.

Все, что ныло в душе моей глухо,
сожжено до последней слезы
электрической силою духа
и духовною мощью грозы!

Сквозь терпение, сквозь созерцанье
неожиданно быстро пророс
очистительный взрыв отрицанья
с ослепительной вспышкою гроз.

Полыхай, благодатственный кризис!
Дуновенья твои хороши.
Это новая радость открылась
для живой и здоровой души.

2001

* * *

Я лежала на теплой земле.
Нежным маревом флоксы дымились.
А в душе, будто в солнечной мгле,
золотые частицы струились.

То ли это сознанья поток?
То ли чувственность в истинном свете?
То ль духовный прорыв на восток?
То ль мои незачатые дети?

Подлетали вплотную шмели.
В них природные силы гудели.
И растения жизни цвели
сплошь и рядом, и в духе, и в теле.

И душа проходила сквозь мир
вереницей любовных посланий,
золотой оставляя пунктир
на пределе своих сверхжеланий.

2001

То прольется дождинками мелкими,
то закатной полоской блеснет,
то, как книга с чужими пометками,
чью-то мысль до тебя донесет.

Не о прошлом рассказ, не о канувшем...
Просто сердце рождается вновь,
босиком пробегает по камешкам,
не боится пораниться в кровь...

2001

* * *

Новый ветер шумит в тополях
и волнует высокие травы,
и целует колосья в полях
для какой-то летучей забавы.

То ль воздушное гнездышко свить
хочет он, оставаясь бродягой?
То ль дыханье любви уловить
и сгореть, как поэт, над бумагой?

Так и я забавлялась почти
то ль романом без слов, то ль игрою,
а потом мне открылось в пути,
что забава была роковою.

И не хватит ни дней, ни веков,
чтобы мыслью объять пред рассветом
звон и боль золотых колосков,
мимолетно обласканных ветром.

2001

* * *

Тебя я ненавидела,
не знала, что я делаю...

И вдруг... и вдруг увидела
голубку эту белую...

Ах, Божья птица нежная,
иной морали вестница,
где ж скрыта нежелезная
любви высокой лестница?

Скажи мне, как устроены
живущие в обители
Христа святые воины,
злонравья победители?

Как этот мир, отравленный
до дна паленой водкою,
прощать в молитве сдавленной?
Как сделать душу кроткою?

Она смотрела пристально -
и сквозь поля ментальные
несла святая истина
видения хрустальные:

Лучи ль блиствали алые?
Ручьи ль текли студеные?
Блаженно ль пели ангелы?
Венчались ли влюбленные?

И прикасалась с трепетом
энергия моления
к моим душевным трещинам
волною заживления...

Все недоступно, неизвестно.
Что угасает? Что цветет?
Кто улыбается прелестно
средь обступающих невзгод?

Но вдруг исчезнут все преграды...
И сердце скажет в свете дня:
"Господь и Бог мой. Солнце Правды,
понятней всех Ты для меня".

2000

ДОСТОЕВСКИЙ И ИСАЕВА В КУЗНЕЦКЕ. 1857 год

2001

Он к ней, в Кузнецк, как в Лету канувшей,
спешит, дорогой утомлен.
Да, это он, вчерашний каторжник -
и гений завтраших времен.

Преодолевший все препятствия,
такой же друг ей, как и враг,
он добивается согласия
на этот невозможный брак.

Они обвенчаны. Обвенчаны.
Она выходит на крыльцо...
Взгляните в скорбное лицо
судьбу свою понявшей женщины:

взор заслонила боль растущая,
вздохнуть всей грудью не дает.
Решилось: жизнь ее грядущая
к его созданьям перейдет.

Тесна одежда подвенечная.
И губы сохнут, как полынь...
Невыносимо быть предтечей
его тревожных героинь!

1997

Они его волнуют, мучают
и жертвы требуют большой...
Сопротивлялась странной участии
она неслабою душой.

И все ж ни волей, ни сознанием
не защитилась.
Не спаслась.
Венца кузнецкого сиянием
необратимо облеклась.

1987

Неужель наше сердце остыло?
Всюду метод ошибок и проб?
Жизнь на уровне сдачи бутылок,
психология худших трущоб?

Так ли?.. В сфере неясной и зыбкой
что-то дрогнуло вдруг неспроста -
и на миг с лучезарной улыбкой
проглянула, светясь, красота.

Просияло огнем лебединым
и в начале пути, и в конце
Материнство и Девство в едином
незабвенном, пречистом Лице.

Остальное отпало отлого.
По крупицам рассеялось Зло.
И привычное облако смога
загрязнить ничего не могло.

* * *

Мы ничего здесь не изменим,
быть может, даже не поймем.
Повиты судьбы странным хмелем
или охвачены огнем...

Мерцают символы и знаки...
Начало их - в мирах иных:
следы читаются во мраке
причин каких-то неземных.